4
П-71
55

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной
и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 55

28/IV

I.

Е. В. ПАДУЧЕВА

ТОЖЕ И *ТАКЖЕ:* ВЗАИМООТНОШЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ И АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

II.

И. А. МЕЛЬЧУК, Е. Н. САВВИНА

О ФОРМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СИНТАКСИСА АЛЮТОРСКОГО ЯЗЫКА

Москва — 1974

2а

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

82

4
П-71
55

Предварительные публикации ПГЭПЛ. Вып. 55 (I Кодухова. II Мельчук). М., 1974

68678

Курсач

68678

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 55

I.

Е.В.Падучева

ТОЖЕ И ТАКЖЕ: ВЗАИМООТНОШЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ И АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

II.

И.А.Мельчук, Е.Н.Саввина

О ФОРМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СИНТАКСИСА АЛЮТОРСКОГО ЯЗЫКА

Москва - 1974

А
П-7155
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
68678

I.

Е.В.Падучева

ТОЖЕ и ТАКЖЕ: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей

В Словаре русского языка [I] значение слова тоже определяется как 'равным образом, в равной мере, также', а значение слова также – 'равным образом, в равной мере, тоже'. Отсюда следовало бы заключить, что тоже и также – синонимы. В действительности, однако, тоже и также часто не могут быть заменены одно на другое без изменения правильности или смысла предложения. Поскольку близость смысла у тоже и также несомненна (ср. англ. also, которое служит переводом для обоих), объяснение невзаимозаменимости следует искать в различиях условий употребления этих слов.

В работе О.Даля об актуальном членении русского предложения [2] выдвигается гипотеза о том, что употребление наречий тоже и также в русском языке зависит от порядка слов в предложении. Действительно, в предложении (I) нормальным является слово тоже, а в предложении (2), которое отличается от (I) только порядком слов, естественно употребить слово также:

(I) Он любит читать газеты, но литературу по специальности он тоже читает;
(2) Он любит читать газеты, но он читает также литературу по специальности.

Ниже вводятся некоторые уточнения в постановку проблемы и предлагается ее решение.

§ I. Постановка задачи.

У т о ч н е н и е I. В русском языке имеется два варианта слова также, различающиеся наличием/отсутствием фразового ударения. Основной вариант – безударный. Ср. предложение (2), а также предложения (3), (4), с безударным также, и предложения

(5)-(7), где на также падает ударение[1]:

(3) Время от времени необходи́мо та́кже обозревать содержание науки с общей точки зрения;
(4) Было известно, что он повар, но оказалось, что он та́кже инструктор по тури́зму;
(5) Люди проходят ничтожной толпой
Та́кже один за другим;
(6) Степан не ужинал без Авдотьи, ждал ее у накрытого стола; она та́кже не садилась за стол без него;
(7) Костюм франта был описан, его несчастное положение на тротуаре та́кже <описано> .

Ударное также практически везде взаимозаменимо с тоже (ср. примеры (5)-(7)); только безударное также обычно дает при замене на тоже неправильное предложение (ср. примеры (2)-(4))[2]. Таким образом, ударное также можно фактически исключить из дальнейшего рассмотрения, считая, что условия его употребления такие же, как для тоже.

У т о ч н е н и е 2. Слово тоже в его основном употреблении ударно:

(8) Дочь училась дома и росла хорошо; мальчик то́же учился недурно;
(9) Мои друзья идут в кино; я то́же хочу пойти.

В контексте частицы и (примеры (I0)-(I2)) ударность/безударность тоже может варьироваться практически без изменения смысла:

(I0) Он был умен, но он был и ло́вок то́же (= и ло́вок то́же);
(II) И я́ то́же (= и я́ то́же) хотела вас об этом просить;
(I2) Поздравляю Вас! - И я́ Вас то́же (= и я́ Ва́с то́же) <поздравляю>.

В этом контексте тоже может быть заменено, без изменения правильности и смысла, на безударное также:

(I0)$\Longleftrightarrow$(I0′) Он был умен, но он был и ловок та́кже;

---

[1] Большая часть примеров взята из словарей русского языка [I] и [3].

[2] Здесь и далее 'ударный' - 'безударный' понимается, соответственно, как 'имеющий фразовое ударение' - 'лишенный фразового ударения'.

(II)$\Longleftrightarrow$(II′) И я тáкже хотела вас об этом просить;
(I2)$\Longleftrightarrow$(I2′) Поздравляю Вас! – И я Вас тáкже ‹поздравляю›.

По аналогии с предыдущим можно считать, что в примерах (I0) – (I2) безударное тоже.

З а м е ч а н и е. Контексты, где тоже безударно и не может быть заменено без изменения смысла ни на ударное тоже, ни на безударное также, находятся на грани допустимости в современном литературном языке и здесь не рассматриваются, ср.:

(а) Никто ко мне не приходит; Иван тóже заболел;
(б) Всю я ноченьку не спал, / Звезды на небе считал;
Мéсяц, ровно, тóже светил – / Я порядком не приметил.

Таким образом, те контексты употребления тоже, где оно допускает безударное произнесение, можно исключить из рассмотрения. Тем самым мы можем, без потери общности, ограничиться двумя единицами: безударным также и обязательно ударным тоже. Тот же вывод можно было бы сформулировать иначе, сказав, что различаются по употреблению не тоже и также, а ударное слово и безударное, причем первое воплощено нормально в виде тоже, а второе – в виде также.

Мы будем далее исходить из того, что в каждом предложении с тоже, также (а иногда не в целом предложении, а в отдельном его компоненте, например, в обособленном обороте) можно выделить тему и рему – в соответствии с обычным, хотя и не вполне точным пониманием этих терминов. Так, в примере (8) во втором из сочиненных предложений рема – учился недурно. В примере (2) во втором из сочиненных предложений рема – литературу по специальности. В примере (8) тема того же предложения – мальчик, в примере (2) – он читает.

Поскольку слова тоже и также имеют местоименный характер, в предложениях с этими словами какие-то компоненты всегда входят в анафорические (или, в общем случае, ассоциативные) связи с определенными компонентами предшествующих предложений или того же самого предложения[3]. По содержанию эти ассоциативные связи могут быть двух типов: I) с х о д с т в о и 2) п р о-

[3] О том, что ассоциативные связи играют важную роль в структуре предложения, см. [4].

т и в о п о с т а в л е н и е (или сопоставление, различие, несходство). Мы будем считать (несколько огрубляя реальную ситуацию), что эти ассоциативные связи бинарны. Первым членом ассоциативной связи будем называть тот, который расположен в тексте левее, вторым – тот, который правее. Например, во втором из сочиненных предложений примере (8) рема учился недурно является вторым членом ассоциативной связи, в которой первый член – компонент училась дома и росла хорошо первого из сочиненных предложений; содержание этой связи – сходство. В примере (2) рема второго из сочиненных предложений – литературу по специальности – входит в ассоциативную связь с компонентом газеты из первого сочиненного предложения; содержание этой связи – противопоставление.

§ 2. Правило распределения тоже и также.

Анализ примеров показывает, что выбор между наречиями тоже и также определяется типом ассоциативной связи, в которую входит рема данного предложения. А именно, тоже употребляется в том случае, если рема данного предложения входит (вторым членом) в ассоциативную связь типа сходства, а также – в том случае, если рема предложения входит (тоже вторым членом) в ассоциативную связь противопоставительного типа. Обычно, кроме того, тема в предложении с тоже является вторым членом ассоциативной связи типа противопоставления, а тема в предложении с также – вторым членом ассоциативной связи типа сходства.

Проанализируем несколько примеров употребления тоже и также. Тему и рему данного предложения или фрагмента будем обозначать через T_1 и R_1 ; тему и рему предшествующего – через T_o и R_o.

ТОЖЕ:

(8) [Дочь]$_{T_o}$ [училась дома и росла хорошо]$_{R_o}$; [мальчик]$_{T_1}$ т о ж е [учился недурно]$_{R_1}$ (R_1 входит в ассоциативную связь типа сходства с R_o);

(I3) На работе он со всеми перессорился; в институте т о ж е его невзлюбили (R_1 его невзлюбили входит в ассоциативную связь типа сходства с R_0 он со всеми перессорился);

(I4) Неспособные ученики были встревожены, но и у способных т о ж е сердце дрогнуло (R_1 сердце дрогнуло входит в ассоциативную связь типа сходства с R_0 были встревожены);

(I5) Степан не ужинал без Авдотьи, ждал ее у накрытого стола; она т о ж е не садилась за стол без него (R_1 не садилась за стол связано ассоциативной связью типа сходства с R_0 не ужинал; T_0 и T_1, соответственно, Степан без Авдотьи и она без него);

(I6) У стены помещался черный диван и стол; у стола три стула, т о ж е черных (слово черных - рема обособленного оборота второго предложения, входит в ассоциативную связь типа сходства с компонентом черный в первом предложении).

Предложения с тоже, где отношение сходства не прослеживается, воспринимаются как дефектные:

(I7) а. Сидоров Иван Петрович проснулся в хорошем настроении. Погода была хорошая. Супруга Софья Антоновна тоже со вчерашнего дня не изменилась;

б. Он приехал неизвестно откуда. Я тоже здесь живу.

ТАКЖЕ:

(I8) [Нужно]$_{T_0}$ [убрать квартиру]$_{R_0}$. [Необходимо]$_{T_1}$ т а к ж е [починить часы]$_{R_1}$ (R_1 - починить часы - сопоставлена с R_0 убрать квартиру);

(I9) Он думал о доме, а т а к ж е о том, что случилось вчера (R_1 - о том, что случилось вчера - сопоставлена с R_0 о доме);

(20) Кроме естественнонаучных книг, я читал т а к ж е истории революционных движений (R_1 - истории революционных движений - сопоставлена с компонентом естественнонаучные книги того же предложения).

Различие ассоциативных связей ремы в предложении с тоже и также объясняет различие в ударности этих слов: в предложении с также рема входит в отношение противопоставления и потому, есте-

ственно, несет на себе фразовое ударение; между тем, в предложении с тоже рема, входящая в ассоциативную связь типа сходства, не может нести логического акцента, так что акцентироваться может только сам факт сходства; отсюда фразовое ударение на тоже.

З а м е ч а н и е. В своей известной статье "В поисках сущности языка" [5] Р.О.Якобсон опровергает тезис Соссюра о том, что "в звуковой структуре означающего нет ничего, что носило бы какое-либо сходство со значимостью или значением знака". Якобсон выделяет в качестве аспекта языковой структуры, носящего явно иконический характер (т.е. обнаруживающего сходство означающего с означаемым), порядок значимых элементов (ср., в частности, тяготение порядка слов к непосредственному выражению семантических различий степени значимости, порядка осуществления действий, порядка введения предметов в рассмотрение и проч.). Видимо, в такой же мере иконичной является и просодическая структура фразы. В частности, в этом смысле показательна перегруппировка вариантов лексем тоже и также; в этой паре единственным значимым противопоставлением оказывается не фонемное, а просодическое, а просодическое противопоставление оказывается прямым образом связано с семантикой: если подчеркивается сходство рем, то сами ремы безударны, а из лексем тоже - также выбирается ударная; если же подчеркивается различие, то сами ремы ударны, а из двух лексем выбирается безударная.

§ 3. Контексты взаимозаменимости и невзаимозаменимости тоже и также.

Исходя из приведенного описания условий употребления тоже и также, мы можем теперь объяснить случаи взаимозаменимости и невзаимозаменимости этих двух наречий.

П р и м е р I. В предложениях (2)-(4) и (I8)-(20) безударное также нельзя заменить на тоже без нарушения правильности, поскольку ремы в этих предложениях входят в отношение противопоставления. Аналогично, в предложении (I), а также (8), (9) и (I3) - (I6) ударное тоже нельзя без изменения правильности заменить на безударное также, поскольку в этих предложениях ремы входят в отношение сходства.

П р и м е р 2. Контекст предложения (2I) допускает употребление и ударного тоже и безударного также без изменения правильности:

(2I) Прекрасна и любезна истина и добродетель; но и красота также (тóже) прекрасна и любезна.

Возможность употребления обоих наречий объясняется неоднозначностью актуального членения второго из сочиненных предложений. В первом предложении однозначно выделяется тема – прекрасна и любезна и рема – истина и добродетель. Между тем во втором предложении красота – либо эмфатически сдвинутая вперед рема, и тогда здесь следует употребить также, поскольку ремы двух предложений входят в отношение сопоставления, либо красота – это тема, и тогда следует употребить тоже, поскольку рема второго предложения оказывается вторым членом ассоциативной связи типа сходства. Таким образом, тоже и также здесь взаимозаменимы без изменения правильности, но с изменением актуального членения предложения.

Аналогичное изменение происходит в том случае, если ударное тоже заменяется на безударное:

(22) а. Мой брат тóже Вас поздравляет;
б. Мой брат тóже Вас поздравляет.

В (22 а) рема Вас поздравляет; в (22 б) – мой брат.

П р и м е р 3. Гораздо более обычными являются случаи, когда замена тоже на также и наоборот становится возможной при одновременном изменении порядка слов, вызывающем изменение актуального членения. Действительно, если лексическим составом предложения его тема и рема не определяются однозначно, то изменением порядка слов (т.е. изменением актуального членения) можно достичь того, что вместо также надо будет употребить тоже, поскольку рема окажется входящей в ассоциативную связь типа сходства, а не типа противопоставления:

(23) а. [Гость]$_{T_0}$ [молчал]$_{R_0}$. [Молчал]$_{T_1}$ т а к ж е [хозяин]$_{R_1}$;
б. [Гость]$_{T_0}$ [молчал]$_{R_0}$. [Хозяин]$_{T_1}$ т о ж е [молчал]$_{R_1}$.

В (23 а) R_1 входит в отношение противопоставления с T_0, отсюда также; в (23 б) R_1 входит в отношение сходства с R_0; отсюда тоже. Аналогичный пример:

(24) а. [Поэт гордится] T_0 [своим родом] R_0 ; [он с наслаждением упоминает] T_1 т а к ж е [о своей африканской крови] R_1 ;

б. [Поэт гордится]T_0 [своим родом.] R_0 ; [о своей африканской крови] T_1 он т о ж е [упоминает с наслаждением] R_1.

В (24 а) R_1 противопоставлено R_0 ; в (24 б) R_1 входит в отношение сходства с T_0.

Перестройка актуального членения, которая позволила бы заменить тоже на также и наоборот, возможна не всегда, ср.:

(25) Яков Семенович для меня как родной брат, а Вы для меня т о ж е как сестра – *Яков Семенович для меня как родной брат, а т а к ж е Вы для меня как сестра.

З а м е ч а н и е. Семантическая интерпретация актуального членения в предложениях с тоже несколько необычна: в нормальном случае известное составляет тему предложения, а в предложении с тоже рема может быть известным, а тема, наоборот, как правило, входит в отношение противопоставления. Эксплицитные перефразировки для предложений с тоже и также могут быть поэтому почти одинаковы:

(26) Он гордится т а к ж е своим происхождением; утверждение: Он гордится своим происхождением; презумпция: Он гордится чем-то еще;

(27) Своим происхождением он т о ж е гордится; утверждение: Своим происхождением он гордится; презумпция: Чем-то еще он гордится.

Таким образом, выбор тоже – также опирается не на семантику, а на актуальное членение в формальном смысле этого слова.

З а м е ч а н и е. В словаре английского языка [6] для слова also приводится два значения – одно ‘likewise, in the manner of something else’ , другое ‘besides, in addition’, – для которых нетрудно установить сходство, для первого с тоже,

для второго с также. Правильный перевод also на русский язык требует именно того анализа актуального членения и ассоциативных связей в предложении, который был изложен выше. Ср., например:

(а) Some forces are also posted at Taloir - Некоторые силы размещаются также в Талуаре;

(б) When the servants of God came in, Satan came also among them - Когда пришли слуги Господа, Сатана тоже пришел с ними.

§ 4. Синтаксические связи тоже и также с другими словами.

Весь наш анализ предложений с тоже, также до сих пор никак не опирался на синтаксические связи наречий тоже, также с какими-либо словами предложения. Что же можно сказать об этих синтаксических связях? Если не учитывать указанной зависимости употребления тоже, также от актуального членения и ассоциативных связей предложения, а судить по одним только формальным критериям, то едва ли можно достичь какой-либо определенности в синтаксической интерпретации этих слов. Например, в предложении Он читает также журналы слово та́кже можно отнести, как энклитику, к предшествующему читает, но можно отнести, как препозитивное наречие, к последующему журналы. Аналогичные две возможности для то́же в предложении Он тоже уехал.

Если же исходить из семантического анализа предложений с тоже, также, проведенного выше, то можно предложить по крайней мере три варианта синтаксической интерпретации тоже, также, в равной мере правомерные. Первая возможность - относить тоже, также всегда к реме предложения. Вторая возможность - относить тоже, также к тому компоненту предложения, который входит в отношение сходства (т.е. тоже к реме, а также - к теме). Третья возможность - относить тоже, также к тому компоненту предложения, который входит в противопоставительные отношения (т.е. тоже к теме, а также к реме).

Ни одна из возможностей не является, однако, до конца удовлетворительной. Прежде всего, темой и ремой предложения являются, в общем случае, не слова, а компоненты предложения, со-

стоящие из нескольких слов, не обязательно синтаксически связанных друг с другом. Ср., например, предложение (28):

(28) Я стал в нее внимательно вглядываться и заметил, что и она т о ж е в меня всматривается.

Предположим, например, что принята третья интерпретация, согласно которой тоже должно быть отнесено к теме предложения. В примере (28) тема второго предложения, скорее всего, - она в меня, ср. тему первого предложения я в нее. Какому же слову должно быть подчинено тоже, слову она или слову в меня? По-видимому, для слов тоже, также - так же как для даже (см. [6], [7]) или для только (см. [8]) синтаксически релевантным является только указание сферы действия, которая в предложении (28), например, состоит из сочетания она в меня.

Другая сложность синтаксической интерпретации тоже и также связана с тем, что для наречия, в особенности со столь общим значением, естественно предположить непосредственный контакт со словом, с которым оно синтаксически связано. Примем, например, для предложения (28) вторую синтаксическую интерпретацию, согласно которой тоже должно быть отнесено к реме. В этом случае тоже должно быть связано со словом всматривается, с которым оно не находится в непосредственном контакте.

Если соединять тоже с темой предложения (в соответствии с третьей интерпретацией), то аналогичная дистантность синтаксических связей возникнет в предложении (29):

(29) Здоровьем он т о ж е похвастаться не мог (тема - здоровьем).

Вообще слово тоже может менять свое место в предложении без существенных изменений смысла и актуального членения, а при соблюдении требования контактности эти изменения должны влиять на синтаксическую структуру, что не может не удалять синтаксическую структуру от смысла. Ср. синонимию предложений, различающихся порядком слов:

(29) $\Longleftrightarrow$ (29′) Здоровьем т о ж е он похвастаться не мог;

(30) Мы были молоды т о ж е ⟺ (3I′) Мы т о ж е были молоды[4].

Единственная отчетливая синтаксическая закономерность состоит в том, что безударное тоже не может находиться в препозиции к реме предложения:

(3I) Он умен, но он т а к ж е ловок ⟺ Он умен, но он <и> ловок т о ж е .

Принятие первой из перечисленных синтаксических интерпретаций для тоже, также (согласно которой они считаются синтаксически связанными с ремой предложения), вообще говоря, равносильно отказу от собственно синтаксического анализа этих слов: если синтаксические связи определяются актуальным членением, то в синтаксическом представлении без сведений об актуальном членении синтаксических связей для тоже, также оказывается невозможно обнаружить, а при наличии сведений об актуальном членении они избыточны. По-видимому, эта интерпретация и является предпочтительной.

З а м е ч а н и е. При синтаксическом анализе тоже и также следует учитывать, что слова тоже, также фактически не могут сочетаться сами с собой и друг с другом в пределах одного предложения (точнее, в пределах одной единицы актуального членения, ср., например, два тоже в конструкции с сочинением и, соответственно, с двумя ремами: Он тоже человек, и тоже любит поступать по-своему), ср. аналогичные ограничения для других слов такого рода: *Я только загляну туда только на минуту; *Есть, однако, факты, которые, однако, не получили объяснения; то же верно для слова даже, см. [7]. Отсюда следует, что неоднозначность их синтаксической интерпретации (при сохранении содержащихся в них сведений об актуальном членении и ассоциативных связях) не может привести к утрате какого-либо семантического противопоставления.

---

[4] Место тоже, также в предложении, однако, не произвольно, ср. *Абсолютно также ничего нового не могу сказать и о себе.

ЛИТЕРАТУРА

I Словарь современного русского литературного языка, т. I5. М.-Л., I963.

2 Dahl Ö. Topic and comment. Göteborg, 1969.

3 Ушаков Н.Д. Толковый словарь русского языка, т. 4. М., I940.

4 Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом а . НТИ, сер. 2, № I0, I974.

5 Jakobson R. Quest for essence of language. - "Diogenes", N 51, I965 (русск. пер. в кн.: "Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики", вып. I6, М., I970).

6 The Oxford dictionary, v. I. Oxford, 1933.

7 Andersen S. How to get EVEN. - "Language", 1972, N 4.

8 Мельчук И.А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. - "Изв. АН СССР. Серия литературы и языка". 1968, т. 27, вып. 5.

П.

И.А.Мельчук, Е.Н.Саввина

О формальной модели синтаксиса алюторского языка

1. Необходимость формализации лингвистического описания вряд ли нуждается в специальном обосновании. Особенно важна формализация используемых понятий и средств описания для таких малоизученных языков как алюторский[1]. Для алюторского языка до сих пор не существует ни опубликованного монографического описания, ни словаря, ни собрания текстов. При этом синтаксис алюторского языка (как, впрочем, и синтаксис других языков чукотско-камчатской группы) является, пожалуй, его наименее изученным аспектом: специальных работ на синтаксические темы немного, а данные, имеющиеся в соответствующих разделах общих описаний, как правило, разрозненны и неполны. Таким образом, при работе с алюторским языком трудно использовать формально нечеткие, но интуитивно ясные средства описания, принятые в традиционном языкознании. Такие средства относительно пригодны в случае широко известных языков, где помогают догадки, рассуждения по аналогии, ссылки на знакомые примеры и т.п. Если же приходится иметь дело с недостаточным и не вполне понятным материалом, где интуиции практически не на что опереться, логическая отчетливость используемого аппарата приобретает решающее значение.

2. В соответствии с вышесказанным была предпринята попытка построить формальную модель поверхностного синтаксиса алюторского языка[2]. Эта модель разрабатывается в рамках общей теории

---

[1] Алюторский язык (наряду с чукотским, керекским, корякским и ительменским) входит в чукотско-камчатскую группу языков. На алюторском языке говорят жители нескольких населенных пунктов на севере Камчатки (Вывенка, Тиличики, Анапка, Рекинники и др.).

[2] Наша модель основывается на материалах полевых исследований в двух Камчатских лингвистических экспедициях МГУ, проводившихся под руководством А.Е.Кибрика в июле 1971 и в июле 1972 гг. в пос. Вывенка на восточном берегу Камчатки (в 900 км к северу от Петропавловска-Камчатского).

лингвистических моделей типа "Смысл⟺Текст", основные понятия которой можно найти в работе Мельчук 1972; здесь же мы ограничимся беглой характеристикой лишь тех понятий, которые понадобятся нам для описания алюторского синтаксиса.

Модель типа "Смысл⟺Текст" мыслится как система правил, задающих соответствие между смыслами (точнее - семантическими представлениями) и выражающими их текстами (точнее - фонетическими представлениями). Для описания перехода от смысла к тексту (или обратно) выделяются лингвистически обоснованные промежуточные уровни представления высказываний; соответствия между этими уровнями задаются отдельными группами правил. Говоря о поверхностном синтаксисе[3], мы должны охарактеризовать два уровня: уровень поверхностно-синтаксических представлений (ПСП) фраз и уровень глубинно-морфологических представлений (ГМП) фраз, а также правила соответствия между этими уровнями.

ПСП фразы - это совокупность четырех компонентов: 1) поверхностно-синтаксическая структура (ПСС), 2) анафорическая структура (= сведения о кореферентности), 3) коммуникативная структура (≈ "актуальное членение"), 4) интонационная структура. Из этих четырех компонентов нас здесь интересует только один - поверхностно-синтаксическая структура. Она представляет собой дерево зависимостей, ветви-стрелки которого помечены именами поверхностно-синтаксических отношений (ПСО; их в алюторском языке нами выделено пока 18), а узлы - именами лексем фразы, снабженных индексами семантически наполненных грамматических категорий (число существительных, время глагола и т.п.).

ГМП фразы состоит из двух компонентов: 1) последовательность ГМП словоформ фразы и 2) интонационная структура, - из которых нас здесь будет интересовать опять-таки лишь первый. ГМП словоформы - это имя соответствующей лексемы[4], снабженной индексами всех грамматических категорий, необходимых и достаточных для морфологического синтеза данной словоформы (сюда входят как семантические, так и синтаксические - т.е. обусловленные согласо-

---

[3] Кроме поверхностного синтаксиса, в моделях типа "Смысл⟺Текст" должен быть представлен и глубинный синтаксис, который в нашей модели пока отсутствует.

[4] В качестве имен лексем мы используем основы, записанные заглавными буквами.

ванием и управлением – категории). В ГМП фразы ГМП словоформ стоят в той же линейной последовательности, что и в реальной фразе. Выделяя лишь по одному (правда, важнейшему) компоненту ПСП и ГМП, мы ограничили здесь свои интересы теми правилами, которые задают соответствие между этими компонентами ПСП и ГМП. Эти поверхностно-синтаксические правила, описывающие синтагмы, представляют собой выражения вида:

$$P \Longleftrightarrow Q;\ ORD \mid C,$$

где:

1) P – фрагмент ПСС фразы, – как правило, пара лексических узлов M_1 и M_2, связанных посредством ПСО r

$$\left(r \begin{array}{l} \nearrow M_1 \\ \searrow M_2 \end{array} \right)$$

и, возможно, другие узлы и ветви, образующие контекст, который обусловливает применимость правила;

2) Q – пара узлов M_1 и M_2 с указанием тех синтаксически обусловленных грамматических категорий этих узлов, которыми оформляется ПСО r, и, возможно, те же узлы и ветви, которые и в P образуют контекст для M_1 и M_2;

3) ORD – сведения о порядке слов, т.е. о взаимном линейном расположении M_1 и M_2, допускаемом отношением r при узлах данного типа;

4) C – дополнительные условия на P или на Q, также обусловливающие применимость правила[5]. Очевидно, что компонент C в правиле может отсутствовать.

Таким образом, посредством подобных правил эксплицитно выражаются сведения о том, какими грамматическими средствами – морфологическими категориями или порядком слов – выражается то или иное синтаксическое отношение, т.е. может быть отображена основная информация о синтаксисе данного языка.

3. В результате обработки собранного в экспедициях материала нами подготовлено предварительное описание синтаксиса алюторского

---

[5] Следует отметить, что одна и та же информация об условиях применимости некоторого правила в принципе может быть задана любым из двух способов: либо посредством контекста, либо в C. Выбор того или иного из этих способов в каждом конкретном случае производился неформально, исходя из соображений большей простоты или наглядности правила.

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

языка, содержащее немногим более 50 правил указанного вида. В первую очередь исследованы и описаны предикативные и комплетивные синтагмы, характеризующие "предикатное ядро" предложения (сказуемое с подлежащим и дополнениями); именно в этих синтагмах проявляются в значительной степени особенности синтаксического строя, присущие алюторскому языку как типичному представителю чукотско-камчатской группы (в частности, свойственная языкам данной группы эргативная конструкция). Характер настоящего сообщения не позволяет нам привести все описанные нами синтагмы или даже хотя бы только все предикативные и комплетивные синтагмы. Поэтому мы ограничимся тем, что приведем здесь 8 наиболее интересных, на наш взгляд, синтаксических правил. В них используются следующие условные обозначения:

- X, Y, Z, W - лексемные переменные (т.е. вместо этих букв можно подставлять имена конкретных лексем);

- выражение в скобках (нижний индекс) при лексемной переменной - синтактика той лексемы, которая может стоять на месте данной переменной (т.е. сведения о синтаксических свойствах лексемы, содержащиеся в ее словарной статье): часть речи (v - глагол, S - существительное, ... ; личные местоимения считаются подклассом в S), имя собственное/нарицательное (prop /не prop) , лицо для местоимений-существительных (p: 1, 2, 3), сведения о модели управления глагола (1[erg], 2[nom], 3[dat], 2 ПРЕДЛ ; здесь цифра показывает номер актанта: 1 - подлежащее, 2 - первое дополнение, 3 - второе дополнение, - а выражение в квадратных скобках - форму этого актанта: erg - инструменталь или локатив в эргативной конструкции[6], nom - номинатив, dat - датив, ПРЕДЛ - придаточное дополнительное), косвенно-переходный/не косвенно-переходный глагол[7] (ind-tr /не ind-tr);

- нижние индексы при лексемных переменных, стоящие вне скобок, обозначают словоизменительные морфологические характеристики лексем (семантические и синтаксические категории): число у существительного (n: sg, du, pl) , падеж у существительного (instr, loc, nom, dat) , лицо и число "субъекта" у гла-

---

[6] О соотношении между ними - см. ниже, раздел 4.1.

[7] О косвенно-переходных глаголах - см. ниже, раздел 4.3.

гола, т.е. лицо и число глагола относительно его подлежащего (p_s: 1_s, 2_s, 3_s; n_s: sg_s, du_s, pl_s) , лицо и число "объекта" у глагола, т.е. лицо и число глагола относительно его прямого дополнения (p_o: 1_o, 2_o, 3_o; n_o: sg_o, du_o, pl_o) , личная форма у глагола (ЛФ);

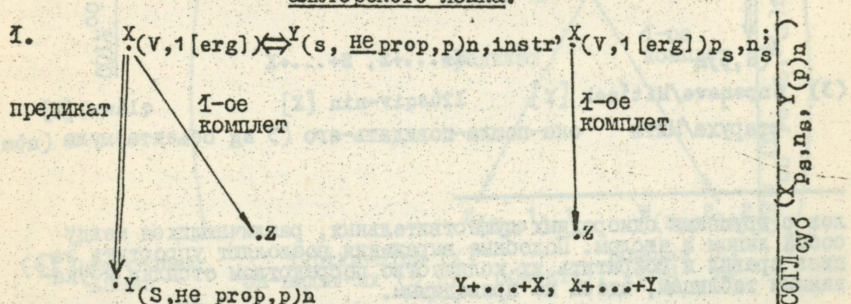
– многоточие при указании порядка следования лексем (в правой части правила) обозначает возможность неконтактного расположения соответствующих лексем; если данное ПСО допускает два порядка следования, то первым указывается тот, который встречается чаще;

– выражения $СОГЛ_{суб}(X_{p_s,n_s}, Y_{(p)n})$ и $СОГЛ_{об}(X_{p_o,n_o}, Y_{(p)n})$, стоящие в условиях к правилам, указывают, что между лексемами X и Y должно иметь место субъектное или объектное согласование соответственно[8];

– надписи на стрелках – сокращения имен предикативного, 1-го и 2-го комплетивных ПСО; двойная стрелка-ветвь изображает ПСО, описываемое данным правилом, а одинарные – ПСО, образующие контекст;

– правила с одинаковой левой частью считаются подправилами одного правила; общая левая часть выписывается полностью только в первом подправиле и не повторяется в остальных.

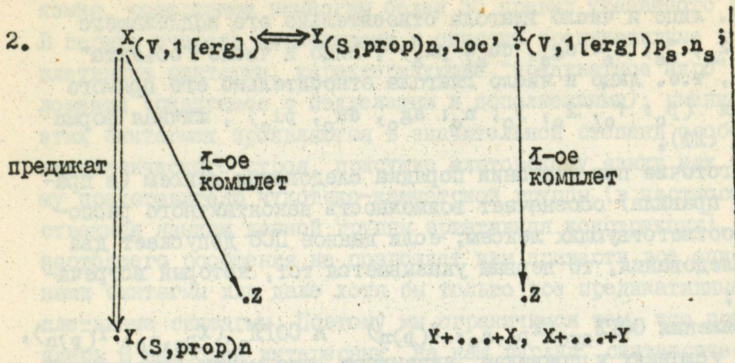
Фрагмент набора поверхностно-синтаксических правил алюторского языка.

(1) ʔənpəŋav-a [Y] 1ʔúsqiv-nin [X] qlávul [Z]
старуха (instr) она-пошла-повидать-его (3 sg субъекта) мужа

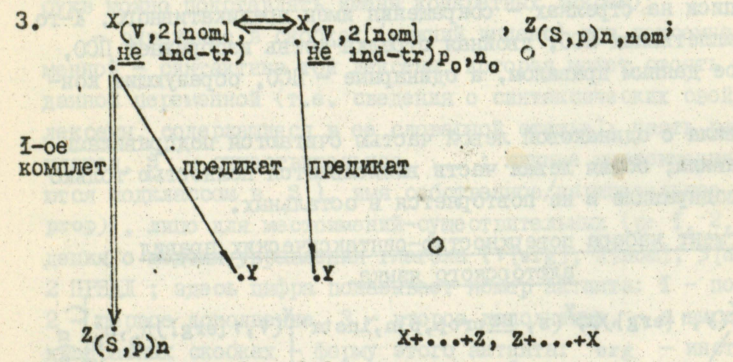
[8] Выражения $СОГЛ_{суб}$ (...) и $СОГЛ_{об}$ (...) суть имена таблиц, в которых задаются закономерности субъектного и объектного согласования и отражаются, в частности, все тонкости согласования глаго-

2.

(2) Mití-nak [Y] l?úsqiv-nin [X] qláwul[Z]
Мити (loc) она-пошла-повидать-его (3 sg субъекта) мужа

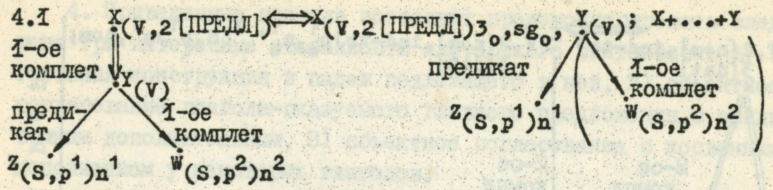
3.

(3) ə́npəqava/Mitínak [Y] l?úsqiv-nin [X] qláwul[Z]
старуха/Мити она-пошла-повидать-его (3 sg объекта) мужа (nom)

лов с группами однородных существительных, различающихся между собой лицом и числом. Подобные выражения позволяют упростить запись правил и сократить их количество посредством отсылки к указанным таблицам, здесь не приводимым.

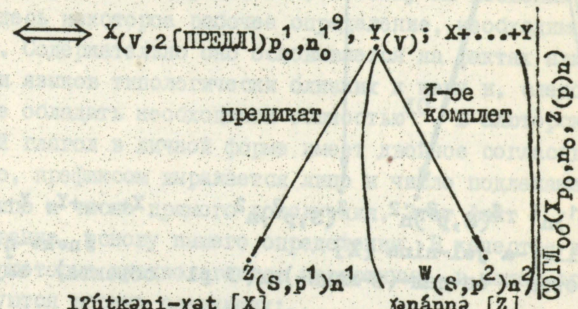
4.1

(4) Qamáv-ənak l?útkə-nin [X] ɣənánnə [Z]
Хамав он-видит-это (3 sg объекта), [что] ты

kəlɣátətkə-na [Y] qurá-wwi [W]
запрягаешь оленей.

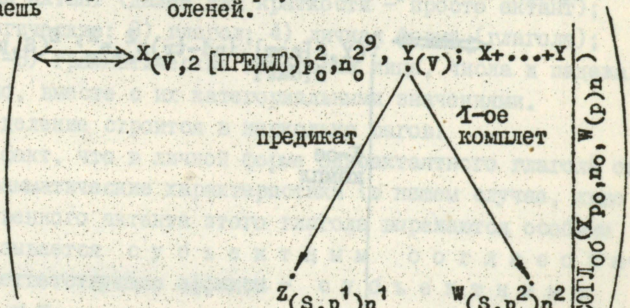
4.2

(5) Qamáv-ənak l?útkəni-ɣat [X] ɣənánnə [Z]
Хамав он-видит-тебя (2 sg объекта), [что] ты

kəlɣátətkə-na [Y] qurá-wwi [W]
запрягаешь оленей.

4.3

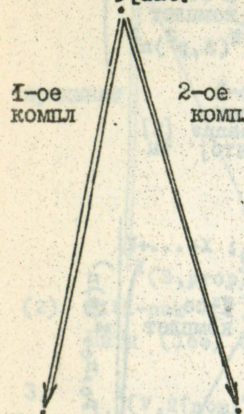
(6) Qamáv-ənak l?útkə-nina [X] ɣənánnə [Z]
Хамав он-видит-их (3 pl объекта), [что] ты

kəlɣátətkə-na [Y] qurá-wwi [W]
запрягаешь оленей.

---

[9] p^1_o, n^1_o – лицо и число подлежащего придаточного предложения (лицо и число Z-а), а p^2_o, n^2_o – лицо и число дополнения этого предложения (лицо и число W-а).

5.1 $X_{(V,2[nom],3[dat],ind\text{-}tr)} \Longleftrightarrow X_{(V,2[nom],3[dat],ind\text{-}tr)} p_o^1, n_o^1,\ Y_{(S,p^1)n^1}, nom;$

$Y_{(S,p^1)n^1}$ $Z_{(S,p^2)n^2}$ $Z_{(S,p^2)n^2}$ X+...+Y, Y+...+X

$\text{СОГЛ}_{об}(X_{p_o,n_o}, Y_{(p)n}) \text{ и } p^1 \leqslant p^2$

(7) ɬlləɣ-a jəl-nína [X] ɬnəkə-ŋ [Z]
отец он-дал-(в-жены-)их(3 pl объекта) ему

sinínkin-a ŋavákka-wwi [Y]
своих дочерей

5.2 $\Longleftrightarrow X_{(Y,2[nom],3[dat],ind\text{-}tr)} p_o^2, n_o^2,\ Z_{(S,p^2)n^2}, dat;$

1-ое компл

$Y_{(S,p^1)n^1}$ X+...+Z, Z+...+X

$\text{СОГЛ}_{об}(X_{p_o,n_o}, Z_{(p)n}) \text{ и } p^2 < p^1$

(5) ɬlləɣ-a iná-jəl-i [X] ɣɬməkə-ŋ [Z]
отец он-дал-(в-жены-)мне(ina-: 1 sg объекта) мне

ɣɬttə [Y]
тебя

4. Приведенные правила позволяют продемонстрировать следующие три интересные особенности алюторского синтаксиса: 1) эргативная конструкция и падеж подлежащего в ней, 2) объектное согласование глагола-сказуемого главного предложения с придаточным дополнительным, 3) объектное согласование с косвенным дополнением у некоторых глаголов.

4.1. Об эргативной конструкции в алюторском языке.

Понятие эргативной конструкции до сих пор не имеет в лингвистике четкого общепринятого определения; поэтому мы позволим себе предложить здесь некоторое рабочее определение, необходимое для наших целей. Содержательно оно основывается на фактах алюторского языка и языков типологически близких к нему и, следовательно, может не обладать необходимой общностью[10]. В алюторском языке переходный глагол в личной форме имеет двойное согласование: как правило, префиксом выражается лицо и число подлежащего, а суффиксом - лицо и число прямого дополнения. Этот факт - составляет, собственно, основу нашего определения. В качестве исходных понятий, которые предполагаются известными, в нашем определении используются восемь следующих:

синтаксические: 1) конструкция; 2) обязательный поверхностно-синтаксический актант (далее для краткости - просто актант);

и морфологические: 3) глагол; 4) личная форма (глагола); 5) аффикс; 6)-8) грамматические категории лица, числа и падежа, соответственно, вместе с их категориальными значениями.

Наше определение строится в несколько шагов:

(i) Тот факт, что в личной форме одноактантного глагола определенные грамматические характеристики (в нашем случае, лицо и число) единственного актанта этого глагола выражаются особыми аффиксами, называется субъектным согласованием, а соответствующие аффиксы - субъектными аффиксами.

(ii) У (не менее чем) двухактантного глагола, имеющего в личной форме два набора аффиксов (например, в нашем случае - префиксов и суффиксов), выражающих грамматические характеристики двух его актантов, выбирается тот набор его аффиксов, который

---

[10] Интересно было бы проверить пригодность этого определения и для других языков.

ближе по составу к набору субъектных аффиксов одноактантного глагола[11]. Аффиксы этого набора и называются с у б ъ е к т н ы м и а ф ф и к с а м и глагола с несколькими актантами, а выражение ими грамматических характеристик одного из актантов - с у б ъ е к т н ы м с о г л а с о в а н и е м.

(iii) Актант, грамматические характеристики которого выражаются субъектными аффиксами глагола (т.е. актант, обусловливающий субъектное согласование), называется п о д л е ж а щ и м (независимо от его падежа!).

(iv) Конструкция "подлежащее - глагольное сказуемое", в которой подлежащее стоит в номинативе (= падеже называния предметов), называется н о м и н а т и в н о й.

(v) Конструкция "подлежащее - глагольное сказуемое", в которой подлежащее стоит не в номинативе, называется э р г а т и в н о й.

В связи со сказанным остается открытым следующий существенный вопрос: следует ли стремиться к тому, чтобы максимально общее определение эргативной конструкции покрывало только трехчленные образования "подлежащее - переходный глагол - прямое дополнение", или же следует ограничиться парой "подлежащее - глагол-сказуемое", распространяя определение и на двучленные конструкции с непереходным глаголом? Окончательно решить этот вопрос мы пока не можем, однако заметим, что выбор второй альтернативы был бы более оправдан, если бы существовал язык, в котором под-

---

[11] Поясним, что имеется в виду под "близостью по составу" двух наборов аффиксов.

Парадигма алюторского непереходного глагола (одноактантного или более чем одноактантного, но лишь с косвенными или предложными дополнениями) содержит 72 "чисто субъектные" формы, имеющие лишь один набор аффиксов (циркумфиксов), а парадигма переходного глагола - 504 "субъектно-объектные" формы с двумя наборами аффиксов: префиксами и суффиксами. (Кроме того, у всех глаголов имеется еще 9 форм так называемого результатива, отличающихся своеобразным набором аффиксов и в данном рассуждении неучитываемых.) При одном и том же значении лица и числа субъекта префикс субъектно-объектных форм совпадает с префиксальной частью циркумфикса чисто субъектных форм в 320 случаях из 504, в то время как суффикс субъектно-объектных форм совпадает с суффиксальной частью циркумфикса чисто субъектных форм лишь в 70 случаях из 504. Эти соотношения и дают нам основания полагать, что в качестве субъектных аффиксов в субъектно-объектных формах должны быть выбраны префиксы, а не суффиксы.

лежащее при непереходном глаголе могло бы стоять не в номинативе и, тем самым, образовывать с этим глаголом эргативную (по нашему определению) конструкцию.

Особенностью эргативной конструкции в алюторском языке является тот факт, что подлежащее в этой конструкции имеет одну из двух форм в зависимости от своей семантики: существительные, не являющиеся собственными именами людей, в роли подлежащего получают суффикс -(t)a, а собственные имена людей - суффикс -(ə)nak [12]. Известно, что -(ə)nak является суффиксом локатива у имен собственных [13] (например, ɓɣəvɔ́ŋnu kilívŋawutənak ɣatkívlin 'вчера он ночевал у Киливняут'), а -(t)a - суффикс инструменталя у имен нарицательных. В связи с этим возникает возможность трактовать указанные факты по крайней мере двумя способами:

- Первая трактовка, принимаемая нами, состоит в следующем: в функции подлежащего могут выступать существительные в р а з н ы х падежах - либо в форме инструменталя, либо в форме локатива - в зависимости от семантики существительных [14].

- Вторая трактовка, предлагаемая А.Н.Жуковой (для корякского языка: Жукова 1972), такова: -(ə)nak считается у имен собственных не только суффиксом локатива, но и о м о н и м и ч н ы м ему суффиксом инструменталя; тем самым для существительных в функции подлежащего допускается т о л ь к о о д и н, инструментальный, падеж.

В пользу второй трактовки говорит тот факт, что ни в имеющихся описаниях, ни в наших собственных материалах в парадигмах имен собственных инструментальные формы на -*(ə)nata не зафиксированы. Тем не менее, этот довод не представляется нам решающим. Дело в том, что имя собственное в инструментале (не в качестве

---

[12] Данные суффиксы выступают в виде -a, -ənak после основы на согласную, и в виде -ta, -nak - после основы на гласную

[13] Суффикс -(ə)nak разлагается, вообще говоря, на элементы -(ə)na и -k, где -k - суффикс локатива, такой же, как у имен нарицательных, а -(ə)na - показатель, связанный с определенностью существительного (ср. Жукова 1972: 97-101). Вероятно, показатель -(ə)na структурно схож с русскими элементами типа -ес- в небеса, -ер- в дочери, -ов- - в сыновья и т.п.

[14] Аналогичная трактовка предложена А.П.Володиным для существительных и местоимений ительменского языка (Володин 1967).

подлежащего эргативной конструкции!) должно было бы обозначать инструмент действия[15]. Однако представить себе реальную ситуацию, в которой человек используется в качестве инструмента, чрезвычайно трудно, и возможно, что именно в силу парадоксальности подобных ситуаций описывающие их выражения с формами на *-(ə)nata и не встретились в экспериментальном материале, хотя с точки зрения чисто языковых потенциальных возможностей такие высказывания, наверное, не исключены. Если русские фразы типа Он выбил дверь Иваном при всем сопротивлении носителя языка по отношению к его значению были бы переведены на алюторский с формами на -*(ə)nata (но ни в коем случае не с формами на -(ə)nak), то первая трактовка оказалась бы заведомо предпочтительнее[16].

Очень близкое по существу явление наблюдается в английском языке при оформлении трансформа подлежащего в пассивной конструкции:

John broke the window — 'Джон разбил окно'
The window was broken by John — 'Окно было разбито Джоном'
The hammer broke the window — 'Молоток разбил окно'
The window was broken with the hammer — 'Окно было разбито молотком'.

Традиционно считалось, что оформление третьего члена пассивной конструкции (by John; with the hammer) обычно автоматически определяется его семантикой: при одушевленных существительных используется предлог by, при неодушевленных — with. Это, однако, неверно, поскольку между предлогами by и with в этой конструкции имеется чисто смысловое различие (что было отчетливо показано Ч.Филлмором: Fillmore 1968): by обозначает активного деятеля, а with — инструмент, независимо от семантики управляемого ими существительного. С точки зрения английского языка аб-

---

[15] Кроме инструмента, инструменталь может также обозначать в отдельных случаях объект действия. Однако, глаголы, управляющие объектом в форме инструменталя, имеют обычно такие значения, что представить одушевленное существительное в роли объекта при них также очень трудно (например, ojik 'питаться (чем)' (но не: 'есть (что/кого-либо)'!).

[16] Предварительные данные свидетельствуют, что искомые факты, по-видимому, действительно имеют место в алюторском: на вопрос в письме, что может значить предложение Qamávvə ójitkən Marína-nata, наш информант Марина Тынанаут (18 лет) ответила, что это предложение значит 'Хамав питается Мариной', а Qamávvə ójitkən Marínanak значило бы 'Хамав питается у Марины'.

солютно правильны фразы The window was broken with John и The window was broken by the hammer Аномальны не эти фразы, а их смыслы: 'Кто-то разбил окно Джоном' (≈ Somebody used John to break the window with) и 'Молоток, действуя самостоятельно, разбил окно при помощи чего-то' (≈ The hammer used something to break the window with) (Ср. также He was killed by the bullet и He was killed with the bullet) . Именно это рассуждение проводится Ч.Филлмором в порядке обоснования различия семантических ролей АГЕНС vs. ИНСТРУМЕНТ, которые в принципе могут выполняться любыми по семантике существительными. Близкие по сути наблюдения можно найти и у Дж.Лайонса (Lyons 1969: 298) , где отмечается "поверхностный" характер традиционного объяснения выбора того или иного предлога лишь одушевленностью или неодушевленностью управляемого предлогом существительного.

Наконец, независимо от приведенных выше рассуждений, возможна еще и третья трактовка: различать у всех существительных не два, а т р и падежа (наряду со всеми прочими падежами, о которых здесь речь не идет), а именно: 1) инструменталь (творительный на -ta) – с инструментально-объектным значением, обычно не образуемый от имен собственных, 2) локатив (чисто местный на -k) и 3) эргатив – падеж подлежащего в эргативной конструкции, который у имен собственных всегда совпадает с локативом, а у имен нарицательных – с инструменталем, т.е. является морфологически несамостоятельным падежом[17].

Эргативная конструкция в алюторском языке – с указанными выше особенностями оформления ее членов – описывается приведенными выше правилами 1-3, из которых первые два характеризуют предикативное ПСО, т.е. ПСО, связывающее сказуемое с подлежащим, а третье – 1-ое комплетивное ПСО, т.е. ПСО, связывающее сказуемое с 1-ым дополнением. Этими правилами задается, в частности, соответствие между ПСС и ГМП для фраз (1)-(3), приведенных в качестве примеров к правилам 1-3. Фраза (9) (совпадающая с фразой (1) и повторяемая здесь для удобства читателей).

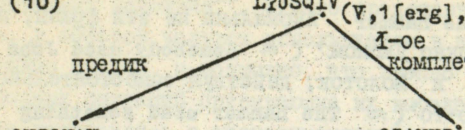
(9) ʔ́ŋrəŋav-a l?ʊ́sqiv-nin qlа́vul

имеет ПСС (10) и ГМП (11) соответственно:

---

[17] Термин А.А.Зализняка (Зализняк 1973: 69); см. там же о проблемах, связанных с подобными трактовками, и методах их решения.

(10) L?USQIV(V,1[erg],2[nom], не ind-tr) [18]

ƏNPƏŊAV(S, не prop,3)sg QLAVUL(S,3)sg

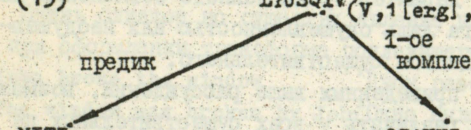
(11) ƏNPƏŊAV$_{sg,instr}$ L?USQIV$_{3_s,sg_s,3_o,sg_o}$ [18] QLAVUL$_{sg,nom}$

а фраза (I2) (= фразе (2))

(12) mitɨ-nak l?úsqiv-nin qlávul

имеет ПСО (I3) и ПМП (I4) соответственно:

(13) L?USQIV(V,1[erg],2[nom], не ind-tr)

MITI(S,prop)sg QLAVUL(S,3)sg

(14) MITI$_{sg,loc}$ L?USQIV$_{3_s,sg_s,3_o,sg_o}$ QLAVUL$_{sg,nom}$

4.2. Объектное согласование глагола-сказуемого главного предложения с придаточным дополнительным.

У глаголов, первым дополнением которых может быть целое предложение (т.е. у глаголов с признаком 2 [ПРЕДЛ] в синтактике) наблюдаются колебания в объектном согласовании: если в придаточном дополнительном выступает двухактантный глагол в эргативной конструкции, то у глагола-сказуемого главного предложения возможны три типа объектного согласования.

(1) Согласование с придаточным в ц е л о м по 3 sg (т.е. придаточное предложение приравнивается к существительному ед. числа);

(I5) Qamáv-ənak l?útkə-nin χənánnə ímjaq
Хамав он-видит-это, [что] ты уже

kəlɣátətkə-na qurá-wwi.
запрягаешь оленей.

---

[18] Ради большей простоты и наглядности здесь указываются не все словоизменительные категории глагола: опущены время, наклонение и т.п.

(ii) Согласование с подлежащим придаточного дополнительного:

(16) Qamáv-ənak l?útkəni-ɣət ɣənánnə ímjaq
Хамав он-видит-тебя, [что] ты уже
kəlɣátətkə-na qurá-wwi.
запрягаешь оленей.

(iii) Согласование с дополнением придаточного дополнительного:

(17) Qamáv-ənak l?útkə-nina ɣənánnə ímjaq
Хамав он-видит-их, [что] ты уже
kəlɣátətkə-na qurá-wwi.
запрягаешь оленей.

Если в придаточном дополнительном выступает одноактантный глагол, то третий тип согласования, очевидно, невозможен, а возможны только первые два:

(18) Qamáv-ənak l?útkə-nin/nina arɣínkə-ŋ
Хамав он-видит-это/-их, [что] к-берегу
tlálatkə-t ʔətvú-wwi.
подходят лодки.

Выбор между указанными возможностями согласования не определяется, как нам кажется, никакими формальными условиями, и, таким образом, предложения (15)-(17) (= (4)-(6)) синтаксически находятся в отношении свободного варьирования. Если между ними и есть какие-либо семантические различия, то они сводятся, по-видимому, к различиям логических акцентов.

Отметим, однако, что для предложений типа (15)-(17) возможна, вообще говоря, и другая трактовка. В тех случаях, когда глагол главного предложения согласуется не с придаточным в целом, а с его актантами (предложения (16) и (17)), можно считать, что все сложное предложение в целом является не сложноподчиненным, а сложносочиненным и состоит из двух простых предложений: в первом из них имеет место эллипсис местоименного дополнения:

(19) Qamáv-ənak l?útkəni-ɣət (ɣáttə) [= 'тебя'] ɣənánnə ímjaq
kəlɣátətkə-na qurá-wwi.

При таком решении согласование в сложноподчиненном предложении будет простым - всегда только по 3 sg ; вместе с тем, эллипсис личных местоимений, информация о которых сохраняется в согласовании глагола, - вполне обычное явление в алюторском языке, что служит дополнительным аргументом в пользу второго решения. Окончательное решение вопроса о трактовке предложений с описанным согласованием требует отдельного исследования. В нашей модели пока принято первое решение - "свободное" согласование в сложноподчиненных предложениях, и это решение воплощено в правилах 4.1-4.3. (Скобки вокруг прямых дополнений W в правилах 4.1, 4.2 и вокруг всего правила 4.3 обозначают факультативность заключенных в них элементов и относятся к случаю, когда в придаточном предложении выступает одноактантный глагол).

4.3. Объектное согласование с косвенным дополнением в дативе при наличии прямого дополнения в номинативе.

Подобное согласование отмечено нами пока лишь у одного глагола: jələ́kki 'давать', 'отдавать замуж'. Объектное согласование этого глагола с двумя его дополнениями-прямым в номинативе и косвенным в дативе-определяется следующими закономерностями:

(i) Если лица прямого и косвенного дополнений совпадают (а это возможно, только если они оба - третьего лица[19]), то глагол объектно согласуется с прямым дополнением:

(20) ə́llə-ŋ-a j-ə́l-nĭna (3 pl объекта) ə́nəkə-ŋ sinĭnkin-a
отец он-дал-(в-жены-)их ему своих

ŋavákka-wwi
дочерей.

(ii) Если лица прямого и косвенного дополнений различны, , то глагол объектно согласуется с тем из дополнений, лицо которого имеет м е н ь ш и й номер, т.е. при 1-ом и 2-ом

---

[19] Для выражения таких ситуаций, когда субъект и объект действия совпадают, т.е. для выражения значения "возвратности" в роли объекта используется существительное úvik букв. 'тело', в данном контексте эквивалентное русскому себя; сказуемое объектно согласуется с ним по 3 sg . См. также Мельчук 1973: 27-28.

лице или 1-ом и 3-ем лице - по 1-ому лицу, а при 2-ом и 3-ьем - по 2-ому лицу:

(21) ə́lləɣ-a inâ-jəl-i (1 sg объекта) ɣə́məkə-ŋ sinînkin ŋavâkək
отец он-дал-(в-жены-)мне мне свою дочь

(22) ə́lləɣ-a inâ-jəl-i (1 sg объекта) ɣə́məkə-ŋ ɣə́ttə
отец он-дал-(в-жены-)мне мне тебя

(23) ə́lləɣ-a jə́l-ɣət (2 sg объекта) ə́nəkə-ŋ ɣə́ttə
отец он-дал-(в-жены-)тебя ему тебя

Глаголы, имеющие такое согласование, мы называем к о с в е н н о-п е р е х о д н ы м и (и приписываем им в синтактике признак "ind-tr").

Конструкции с такими глаголами описываются правилами 5.1 и 5.2. Правило 5.1 задает согласование глагола с прямым дополнением, если номер лица этого прямого дополнения либо меньше номера лица косвенного дополнения, либо совпадает с ним (см. условие за чертой в правой части правила: $p_1 \leqslant p_2$). Правило 5.2 задает согласование глагола с косвенным дополнением в случае, если номер лица последнего меньше, чем номер лица прямого дополнения (т.е. $p_2 < p_1$)*.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Володин 1967 - Володин А.П. Эргативная конструкция в ительменском языке. - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, стр. 240-245.
2. Жукова - Жукова А.Н. Алюторский язык. - В кн.: Языки народов СССР, том У. М., 1968, стр. 294-309.
3. Жукова 1972 - Жукова А.Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972.
4. Зализняк 1973 - Зализняк А.А. О понимании термина "падеж" в лингвистических описаниях. - В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973, стр. 53-87.
5. Мельчук 1972 - Мельчук И.А. Уровни представления высказываний и общее строение модели "Смысл⇔Текст". - ИРЯ АН СССР. Предварительные публикации ПГЭПЛ. Вып. 30. М., 1972.

* Авторы пользуются случаем поблагодарить Л.Л.Иомдина, А.Е.Кибрика, И.А.Муравьеву и Н.В.Перцова, прочитавших рукопись настоящего сообщения и сделавших ряд ценных замечаний.

6. Мельчук 1973 – Мельчук И.А. Модель спряжения в алюторском языке. I. – ИРЯ АН СССР. Предварительные публикации ПГЭПЛ. Вып. 45. М., 1973.
7. Fillmore 1968 – Fillmore Ch. Lexical entries for verbs. – Foundations of language 1968, v. 4, 373-393.
8. Lyons 1969 – Lyons I. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1969.

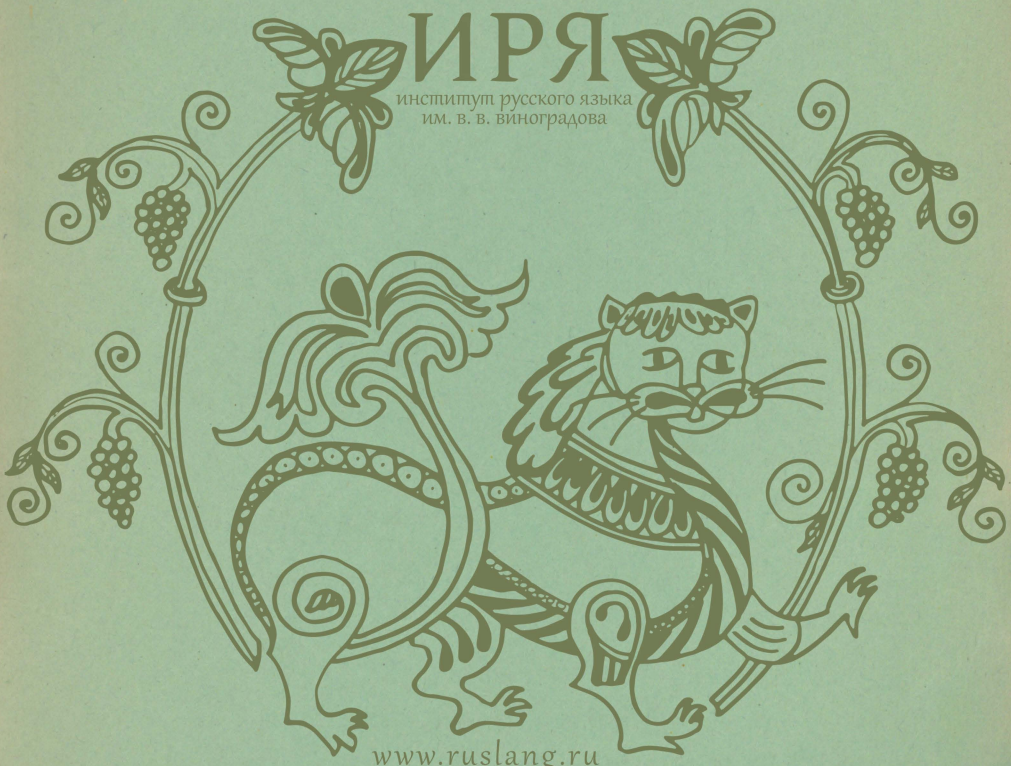
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Ответственный за выпуск Гончар Л.А.

№ А02304 от 22.10.74. 2 п.л. 150 экз. Зак 1115

Тип. МГПИИЯ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

Бесплатно.

30 к.